

**Церковно-политические идеи русского религиозного радикализма XVII
– XX веков**

*(Авторское изложение доклада
на заседании научного лектория «Крапивенский 4»
в Российском православном университете св. Иоанна Богослова
24 февраля 2021 года)*

Со времен обсуждения ИНН, то есть с начала 2000-х годов в церковной среде существуют идейные течения и группы, которые обычно характеризуются в качестве радикальных. Они основываются на тех или иных эсхатологических представлениях.

В настоящее время для таких течений характерны ковид-диссидентство и антипрививочные настроения. Одной из наиболее ярких фигур современного алармизма считается отлученный от Церкви Николай Романов, бывший схиигумен Сергей.

Однако, в реальности, по мнению игумена Виталия (Уткина) ни Николая Романова, ни других подобных алармистских активистов невозможно считать настоящими религиозными радикалами.

Обычно под «религиозным радикализмом» понимается ряд политизированных исламских движений. В их основе лежит своеобразная интерпретация священных текстов ислама. Эти движения создали огромный массив собственной литературы. Любой человек, присоединяющийся к подобным террористическим группам, с неизбежностью оказывается втянутым в конкретный религиозно-радикальный дискурс.

В отличие от такого радикализма, современные священники-алармисты, зачастую превозносимые их окружением в качестве «старцев», не создали ни своей собственной полноценной экзегезы Священного Писания, ни литературной традиции. Взгляды их, как правило, сумбурны. Они не имеют ни системного духовного, ни светского гуманитарного образования. Такие лжестарцы эксплуатируют страхи и невежество людей.

Резко критикуя священноначалие, они стремятся тем не менее, непременно оставаться внутри Русской Православной Церкви. При этом для их биографий характерна тесная связь с представителями власти и бизнеса, а также ведение крупного строительства. Эта связь, а также бизнес-проекты и строительная деятельность таких лже-старцев основываются, по мнению докладчика, именно на их принадлежности к Церкви. Ведь, если бы лжестарцы от Русской Православной Церкви откололись и принадлежали бы к неким другим «юрисдикциям», то не получали ли бы поддержку представителей власти, и, соответственно, денег.

Докладчик считает, что для полноценного понимания, описания и преодоления подобного внутрицерковного алармизма необходимо противопоставить его алармизму и радикализму, имевшему место в России в прошлом. Такое противопоставление представляется докладчику методологически важным в современных условиях.

В ряде публикаций и выступлений на научных конференциях¹ игуменом Виталием (Уткиным) введено понятие «русский религиозный радикализм». Под ним автор понимает совокупность идей, характерных как для ряда старообрядческих согласий, но и для некоторых внутрицерковных течений и движений XVII – XX веков. Речь идет об очень значительных группах, включавших в себя сотни тысяч участников. Эти группы, по мнению докладчика, оказывали серьезное влияние на идейно-политическое пространство России в целом.

Игумен Виталий считает, для русского религиозного радикализма XVII – XX веков был характерен следующий круг идей.

По мнению радикалов, Антихрист является не личностью, которая должна прийти в будущем, а совокупностью апостасии, то есть всеобщего отступления в сторону зла. Поэтому радикалы верили в коллективного, духовного Антихриста, уже пришедшего и воцарившегося. С их точки зрения царство такого Антихриста стало возможно потому, что внешний мир полностью десакрализован. Более того, в мире, с точки зрения радикалов, господствует темная антисакральность, мир как бы «перевернут» и заколдован. Источником такой антисакральности они считали таинства «господствующей Церкви». Это принципиальная исходная точка всего русского религиозного радикализма XVII – XX веков.

Государственная власть, все социальные институты рассматривались русскими религиозными радикалами в качестве проявлений власти коллективного Антихриста, «темного Вавилона». Инструментами такой власти, с их точки зрения, являются сословия, метрики и переписи (то есть, говоря современным языком, базы данных на население), подати, рекрутская и вообще воинская повинность, паспорта и любые документы. Ряд толков, в первую очередь, странники-бегуны, однозначным инструментом Антихриста считали наличные деньги.

Особое внимание докладчик уделил антипрививочному движению, характерному для русского религиозного радикализма XIX века.

Невозможность не только сотрудничества с властью, но и молитвы за власть является, по мнению докладчика, главным маркером русского религиозного радикализма.

Именно по вопросу молитвы за власть произошло отделение радикалов от нерадикалов как в старообрядческом поповстве, так и в беспоповстве. В поповстве такими радикалами докладчик считает так называемых

¹ <https://istina.msu.ru/profile/UtkinIgorNikol/>

«неокружников» и «необщинников», выступивших, соответственно, против «Окружного послания» 1862 года и закона о регистрации старообрядческих общин 1906 года. Гораздо раньше по вопросу молитвы за власть и подчинения власти произошел раскол в беспоповском движении. Речь идет о выделении из поморцев (нерадикалов, по классификации автора) федосеевцев, бегунов, адамантова согласия, и других схожих с ними радикальных движений.

В чистом виде совокупность выделенной автором полноты радикальных идей, характерна не для всех течений. Однако все они воспринимали внешнюю царскую власть как власть Антихриста.

Раз внешний мир, по мнению радикалов, погружен в темную антисакральность, выходом из него может быть только перекрещивание и вступление в общину верных, которая воспринималась в качестве подлинной и единственной Церкви. Такие общины воспринимались радикалами в качестве единственной нормальной социальной и политической реальности.

К русскому религиозному радикализму докладчик относит и некоторые внутрицерковные движения. В первую очередь речь идет о таких массовых движениях, как хлыстовство и скопчество. За малым исключением, хлысты и скопцы (в том числе «духовные», не принимавшие физического оскотления) являлись активными прихожанами Православной Церкви, никогда внешне с Церковью не порывали. Между тем, отрицая мир, церковную и государственную власть, они образовывали новый тайный политикум, «корабли»-общины, объединенные образом Христа, непрерывно воплощающегося в лидерах. Последний и был для таких радикалов подлинным и единственным Царем.

Органичной частью русского религиозного радикализма игумен Виталий (Уткин) считает участников так называемых «картофельных бунтов» 30-40-х годов XIX века, абсолютное большинство которых принадлежало к Православной Церкви. Они не только воспринимали государственную власть в качестве антихристовой, но и видели в новой для России сельскохозяйственной культуре, картофеле, своеобразный «антихлеб», то есть антипричастие.

Игумен Виталий (Уткин) считает, что дискурс русского религиозного радикализма начал формироваться в первые десятилетия XVII столетия, в движении иеромонаха Капитона, то есть еще в период до Великого раскола. Генезис этих идей автор видит в некоторых крайних практиках северного монашества, когда не допускалось разговение даже на Рождество Христово и Пасху. Так, отрицание пищи, по мнению докладчика, постепенно вело к отрицанию внешнего мира.

В так называемом «адамантовом» согласии, например, отрицалась возможность для верных пользоваться благами цивилизации вообще. Там считалось, что раз мир захвачен Антихристом, то и по мощным мостовым ходить нельзя. Федосеевцы освящали особыми молитвами и поклонами

любую пищу, купленную на торгу. Особое место в русском религиозном радикализме занимали споры о самой принципиальной возможности брака.

Докладчик считает, что идеи русского религиозного радикализма нашли свое продолжение в православном катакомбном движении 20-х годов XX века. Ведь многие его участники считали «власть Ленина-Троцкого» антихристовой. Лжесакральную основу такой власти они усматривали в лжетаинствах «господствующей Церкви», под которой понимали «Р.П.Ц.», то возникшую в ходе так называемого Второго Поместного собора 1923 года обновленческую «Российскую Православную Церковь» (аббревиатура была образована обновленцами по образцу «Р.С.Ф.С.Р.»). Сходные идеи, как считает игумен Виталий (Уткин), лежали и в отрицании так называемой декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года.

В XIX столетии часть радикалов, опираясь на образ Антихриста в виде трехглавого орла в 3-й книге Ездры, видели печать антихриста в русском государственном гербе – двуглавом орле (третью голову, своеобразную «иглу кашея» они усматривали в пустоте под центральной короной).

В 1974 году в связи с переходом с буро-зеленых на новые красные паспорта, среди ряда православных верующих ходил слух, будто бы «печать созрела». Автор лично знал монахинь на приходах, которые на излете Советской власти отказывались от паспортов или, как минимум, пенсий, так как не желали получать деньги от «власти Антихриста». Последние бегунские скиты существовали в лесах Томской области еще в 80-е годы XX века. Таким образом, дискурс русского религиозного радикализма сохранялся как во внецерковной, так и во внутрицерковной среде почти все XX столетие.

Автор подчеркнул, что никакому настоящему русскому радикалу прошлого никогда бы не пришло в голову дружить с полицмейстером или брать деньги у православного купца. Ведь если мир захвачен Антихристом или же апостасия так или иначе уже господствует, то «верные» должны полностью отделиться от мира, отрицать власть, не поддерживать отношения с бизнесом. Между тем, оказавшиеся в центре медийных скандалов последнего времени «лжестарцы» хотят совместить отрицание мира с попытками сохранить контакты с представителями власти, что весьма непоследовательно.

Поэтому, по мнению игумена Виталия (Уткина), ведя полемику против современного алармизма, необходимо опираться на анализ всей совокупности церковно-политических идей русского религиозного радикализма прошлого. Ведь следовать этому комплексу идей абсолютное большинство православных христиан ни в коем случае не захотят. А вне его, по мнению автора, настоящий эсхатологический алармизм невозможен.